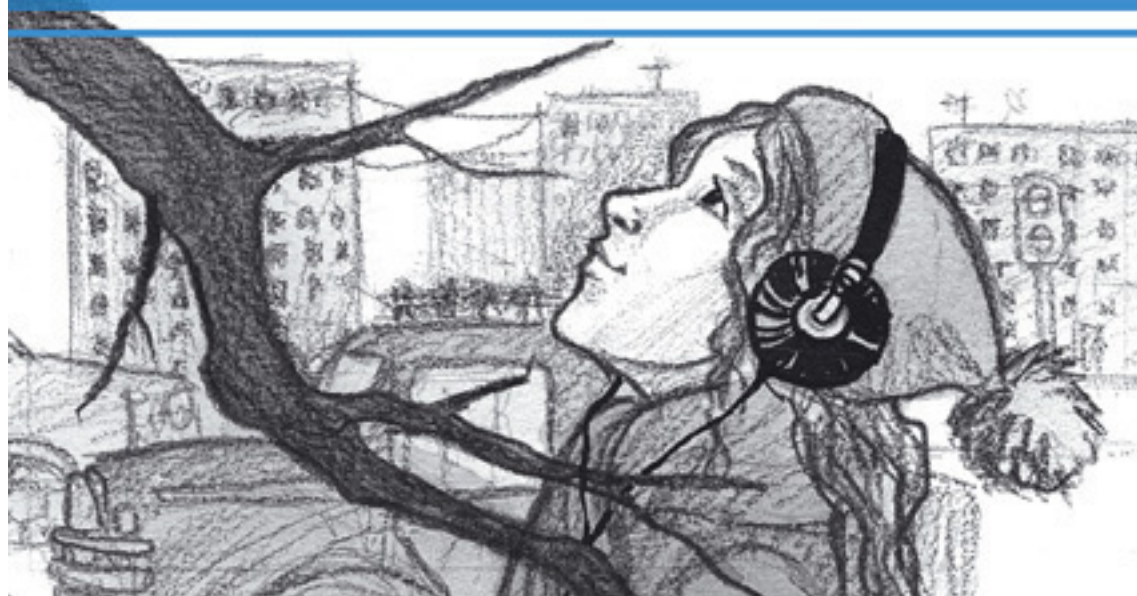

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Татьяна Кудрявцева

Сотворение мира

Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова

Татьяна Кудрявцева
Сотворение мира (сборник)

Издательство «Детская литература»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кудрявцева Т. А.

Сотворение мира (сборник) / Т. А. Кудрявцева — Издательство
«Детская литература», 2017 — (Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова)

ISBN 978-5-08-005708-3

Две повести под этой обложкой разделяет почти 30 лет. Но город – тот же (Ленинград – Санкт-Петербург), возраст героев – тот же (13 лет, 7-й класс), проблемы школы, учителей и учеников очень схожи. Времена меняются, но что-то остается неизменным! Первая повесть – история, произошедшая в школе в начале 90-х годов XX века. Героиня повести, Саша Румянцева, меняет свой взгляд на мир. Она будто заново рождается и открывает глаза, для нее происходит настоящее «Сотворение мира». События второй повести происходят в наши дни. И эта «сказка-несказка», близкая к фэнтези, очень похожа на правду, но в то же время остается за гранью реальности. Главная героиня этой истории, Варвара Брусникина, помогает стать счастливыми и обрести гармонию всем вокруг с помощью чудо-прибора, изобретенного во Франции одной прекрасной герцогиней. Так «что там, за поворотом?»... Для среднего школьного возраста.

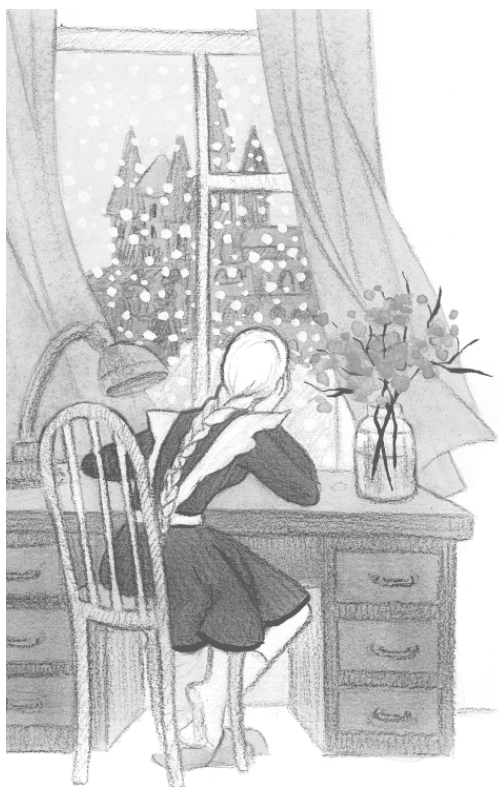
УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005708-3

© Кудрявцева Т. А., 2017
© Издательство «Детская
литература», 2017

Содержание

О конкурсе	6
Сотворение мира	8
От автора	8
Конец лета. Дневник	9
Осень. Дневник	11
Сентябрь. Жизнь без дневника	15
Осень. Возвращение к дневнику	19
Октябрь. Жизнь без дневника	25
Осень. Возвращение к дневнику	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Татьяна Кудрявцева

Сотворение мира

© Кудрявцева Т. А., 2017

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Крашенинникова С. А., иллюстрации, 2017

© Макет. АО «Издательство «Детская литература», 2017

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, каждые два года, что происходит до настоящего времени. Второй Конкурс был объявлен в октябре 2009 года. Тогда же был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ». В 2011 году прошел третий Конкурс, на котором рассматривалось более 600 рукописей: повестей, рассказов, стихотворных произведений. В 2013 году в четвертом Конкурсе участвовало более 300 авторов. В 2016 году были объявлены победители пятого Конкурса.

Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его «подростковом секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

В 2014 году издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию.

Сотворение мира

Повесть

От автора

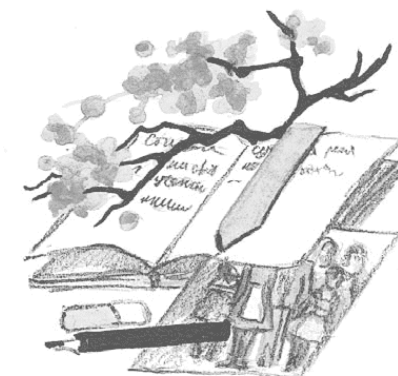
«Сотворение мира» и «Что там, за поворотом?» – две повести про семиклассников. Эти поколения разделяет почти 30 лет. А значит, дети из первой повести во второй вполне уже могут быть родителями учеников нового седьмого «Б».

Жизнь героев первой повести пришлась на начало девяностых годов двадцатого века, когда школа была совсем другой. И хотя ребята не имели права выбирать себе место учебы, учителя не только предоставляли набор интеллектуальных услуг, но и учили жизни. Да они и сами учились этому вместе с учениками. Девочки вели дневники не в электронном виде, а в толстых обиходных тетрадках, куда заносили торопливые и подчас бестолковые записи простенькой шариковой ручкой, миксуя рисунки с собственными стихами.

Первая любовь напоминала скорее четверостишие Блока, нежели эсмэску в мобильном телефоне. Хотя... эсмэсок тогда просто не могло быть, поскольку эра мобильных еще не наступила...

Школа, в которой всё произошло, стояла на окраине Петербурга-Ленинграда. Этот микрорайон до сих пор называют Пороховые, поскольку именно тут Петр Великий когда-то основал первый Пороховой завод. Из местных достопримечательностей на Пороховых есть еще густой лес (пусть официально он и считается лесопарком), где сосны, ели, осинки и сейчас шумят своими кронами...

Конец лета. Дневник

1 августа

Мой возраст – мечтательно-печальный...

Я поняла, что никогда не буду счастлива!

Счастливы только глупые люди. А те, кто любят, несчастны и слепы.

Уходит истина в песок,
И пуст судьбовый туесок.
И нет оазиса в помине,
Ты озираешься в пустыне...

Во мне еще живет надежда, что я останусь в старой школе!

30 августа

Мой дневник за лето совсем обтрепался. Это оттого, наверное, что я засовывала его под диван, когда уходила гулять или в магазин.

Ничего не имею против родителей, но скорее умру, чем дам им прочитать свои сокровенные мысли.

Мне купили новое платье и кожаный рюкзачок, но ничто земное меня уже не радует. Зачем мне всё это в новой школе? (На пепелище!..)

Меня перевели туда против моей воли! Танька Иванова, например, осталась в старой, а она живет на целых две минуты дальше меня (я проверяла!), и дылда Люська-«модель» тоже в старой... Там – все! Там – Дима Накончин!..

Мы с ним сидели за одной партой пять лет с первого класса, и вообще... Ненавижу толстую Таньку Иванову! Я видела ее вчера. Она злорадствовала, что меня переводят. Ясно почему. Будет теперь угощать Димку конфетами, их у нее на каждый час – куча про запас... Знает, что Димка – сладкоежка. Так он постепенно привыкнет брать конфеты из ее рук. А потом... Нет. Не хочу даже думать о том «потом»...

31 августа

Обида – песчинка,
Жесткая, кристалликом,

Ревность – керосинка
С чадящим валиком.
Копоть застит свет,
Горизонта нет...

Осень. Дневник

1 сентября

Судьба моя – копейка. Вчера я позорно рыдала. Родители утешали меня хором, папа даже пошел к директору. Я всё слышала: я каталась под окнами на велосипеде «Ласточка», а там – первый этаж. Папа привел аргумент, что в старую школу мне ходить намного ближе, не надо переходить через дорогу. А ведь я часто задумываюсь, когда стихи сочиняю и становлюсь человеком вне правил уличного движения.

Вот глупости! Все считают меня ребенком. Выходит, будто я их обманула. Но не рассказывать же было про Диму Накончина! Хотя и так ничего не вышло.

Директриса с грустью изрекла, что я – «случай спорный, живу на границе микрорайонов, и неэтично получится, если всех отличников оставить себе». Интересная логика! А если б я была второгодницей? Неужели бы оставили? Ха-ха!

Плохой сегодня день. Черный понедельник «на моей бирже». Из нашего класса перешло всего человек десять (остальные из параллельных) да еще Серафима Владимировна, литераторша. Теперь она у нас классный руководитель. Серафима добрая, но некоторых вещей просто не понимает. Опозорила меня перед всем классом. Целый урок причитала:

– Бедная Сашенька!.. Как расстраивается! Теперь ей так далеко ходить в школу.

Как будто я какая-нибудь первоклассница! И все потешались. Потому что мое унылое лицо выдавало меня с потрохами.

Но дальше было еще хуже. На черчении «черченичка» (она даже не сообщила, как ее зовут, сказала, что, мол, временная – заменяет, пока болеет настоящая. Странно, как будто у «временных» нет имен!), велела назвать каждому чертежные принадлежности, которых для урока не хватает. А я в учебнике вычитала, что к карандашам полагаются наконечники, и когда очередь дошла до меня, вымолвила, что все есть, только вот наконечников не хватает.

«Черченичка» вообще не знала, что такое наконечники. Начала листать учебник, а мне заявила, что нечего выпендриваться. В классе все просто повалились от хохота.

Гущенко мне потом сказала, что я ненормальная, ведь у Димки было прозвище Наконечник (от фамилии), и что все всё поняли. Я и забыла про это прозвище. Я-то звала Диму по имени. Не по кличке. Вот и попала, как кур в ошип.

Ну и пусть. Одно мне горе в этой школе! Только и радости, что выросла за лето на семь сантиметров. Гущенко в прошлом году все сокрушалась, что ей неудобно со мной ходить, раз я такого низенького роста.

Теперь мы, наверное, не раздружимся и я не буду на физкультуре стоять в конце шеренги, рядом с мальчишками. А то целый прошлый год мучилась. Веселая была картинка – бок о бок я и великан Генка Метлищев! Прямо как герои Свифта.

Пойду за маслом, надо скорей: мама собирается жарить капусту. Теперь в моей жизни остались только общественная работа, учеба, помощь по дому и ходить в библиотеку!

5 сентября

Ну а еще, конечно, я живу воспоминаниями...

Не могу про тебя ни слова сказать,
Не могу про тебя стихи написать.
Стою и смотрю – и восторг во мне,
Как с горки на лыжах в солнечный день...

Досочинить не успела. Заявилась Гущенко. Пошли с ней гулять в лес. Она взяла с собой котенка Мурзика. Волокла его на капроновой ленте. Мурзик упирался, пищал, бросался на землю, как барс, рвался к вольной жизни. Я предложила его отпустить, но Гущенко не согласилась. Сказала, что надо, в конце концов, силу воли воспитывать. И у себя, и у котенка, и вообще: мал, глуп. А если потеряется? Ну что же, котенок ее, не мой. Пусть воспитывает как хочет.

Гущенко сплетничала обо всех новеньких мальчишках, тараторила без умолку, а какое мне до них дело! В моей душе жили воспоминания о Диме Накончине.

В третьем классе мы выпустили газету «Смехопанорама». Все девчонки сочиняли стихи, все критиковали Накончина. Во-первых, я думаю, от любви, а во-вторых, оттого, что Раиса Кондратьевна постоянно ругала его за клоунские поступки. Света Семафорова написала точь-в-точь такими же словами, как выражалась учительница:

Накончник веселится.
Скоро может прослезиться.

И дальше совсем глупо:

Рано пташечка запела:
Как бы кошечка не съела.

А у меня было так:

Дима, ты как Ванька-Встанька,
Не унять тебя никак!
Как Болтайка-Улыбайка
Или как Иван-дурак!

(Тоже, конечно, слабовато, но для третьего класса всё-таки неплохо.)

Накончин прочитал всю газету и сделал вывод:

– У Румянцевой стихи настоящие, только у нее. А вы дуры, а никакие не смехопанорамистики. Особенно ты, Семафорова!

Семафорова завопила и бросила в него мелом, а он в нее – шваброй.

Потом Накончина как хулигана посадили со мной для перевоспитания. До этого его сажали со всеми девчонками в классе, но девчонки начинали с ним болтать. А тут учителя не могли нарадоваться:

– Совсем не разговаривает, смотрит в книгу!

Мне даже было обидно. Тогда я еще не догадывалась, что он смотрит в книгу, а видит фигу. Ведь он всё время потихоньку поглядывал на меня. Прикрывался рукой, как на солнце смотреть, и не сводил глаз. Чистая правда!

А в конце года в школе ставили «Кошкин дом». Мы с Семафоровой играли котят, а он – кота Василия. Из Семафоровой вышел неотразимый котенок! Она красовалась перед всеми

своим пышным хвостом – большущим, из бабушкиной лисы-чернобурки. А у меня такого шикарного хвоста не было, как ни прискорбно.

Мой троюродный брат Витька притащил откуда-то белый кроличий хвостик, но тот хвостик никуда не годился. Однако, за неимением лучшего, мы его пришили, но получилось, что ненадолго. Хвост отпал от меня прямо на сцене.

А позже на словах: «Ах, вы хотите сливок, вот я вас – за загривок!» – кот Василий Семфорову лупил метлой, а за мной только гонялся. Я тогда все думала: почему? Глупая была.

Отчего так происходит? Начнешь всё про жизнь понимать, да уж поздно.

Так мы и гуляли с Гущенко: я молчала, а она даже не догадывалась, что у меня в голове. И хорошо.

10 сентября

Ну, пришла пора описать наш класс. Без этого, наверное, не обойтись. Помимо старичков переведенных есть и новенькие. Например, две примадонны: Ганна Волова и Надя Пожарская. Они очень красивые, с немыслимыми копнами волос! Такие волосы не только заплетать, их стричь можно, всё равно густые будут! Не то что мои три волосинки.

Надя брюнетка, а Ганна блондинка. Эти девочки как две карточные дамы – «пик» и «червей». Все переменки они ходят под ручку и шепчутся. Или вызывающе смеются. Естественно, мальчишки из девятого класса на них уже поглядывают и посылают записки.

Есть еще одна девчонка, Инка Пескарик. Говорят, она откуда-то из-за границы приехала. Инка очень взрослая. Когда разговаривает с тобой, смотрит как-то сбоку, слегка улыбается, в полулыбки, с иронией, и пожимает плечами. В школу она ходит в элегантных сарафанчиках. Может даже, от какого-нибудь Диора. Только безо всяких там воланчиков, крылышек и гипюра.

За первую парту Серафима посадила Валеру Васипова. У Васипова широкие рассеянные шаги, словно шагает в пропасть. Он малоразговорчивый и сильно близорукий. И очень плохо одет – ходит в кургузом таком пиджачке. Серафима сообщила, что Валера замечательно декламирует стихи (посмотрим!), она еще что-то хотела добавить, но раздумала и как-то испуганно закрыла рот.

И еще один новенький – Андрюша Туполев. Сразу можно понять, что он пойдет в науку. Все задачи решает с лёту. Лицо у Туполева большое, сердитое и насмешливое. А когда пишет на доске, мел у него крошится – такой острый почерк.

Ну а меня Серафима вздумала посадить с Олегом Слоновым. Разумеется, двоечник. Похож на второгодника, хотя на второй год пока не оставался. Учителя говорят, что он потенциальный второгодник. Слонов огромный, как слон, особенно по сравнению со мной. Наши остряки уже пустили про нас шуточку: «Слон и Моська».

Как только Слонов приходит в школу и садится за парту, то сразу произносит: «Здравствуй, Моська!»

Как вам это понравится! При этом Слонов не дерется, хотя мог бы, и не списывает, пока я сама не разрешу. Это подкупает.

Слонов смешной. В карманах у него чего только нет: резинки, вкладыши, железки всякие. Как будто у первоклассника. По-моему, там даже наконечники найдутся, о которых в учебнике «Черчение» написано.

Каждый урок Слонов это добро раскладывает на парте, а когда его вызывают, ни за что не поднимется, пока всё не соберет. Учителя нервничают. Они думают: он нарочно их злит. А мне кажется, не нарочно.

Руку он никогда не поднимает. А вчера на русском Серафима повторяла суффиксы «сч» и «щ» и велела придумать слова с этими суффиксами. И тут вдруг Слонов поднял руку! Серафима взволнованно спрашивает:

– Ну-ну, Слонов, какое у тебя слово?

И он сказал:

– Пример «сч» – «прысчик».

Все заржали, как самые настоящие недрессированные лошади. Серафима покраснела.

А мне стало жалко Слонова. Мне его вообще жалко. Говорят, что у него нет мамы.

Бедный.

Сентябрь. Жизнь без дневника

В пятницу, 11 сентября, Серафима с торжественным лицом сообщила:

– Завтра уроков не будет. Поможем совхозу убрать капусту. Покажем, на что мы способны. И дождь нам не помеха.

Все мгновенно оживились: а действительно, не помеха! Тем более в совхозе они еще ни разу не были. Не учиться, а гулять по полям – вот так счастье привалило! Девицы начали шелестеть, какие наряды наденут. А Метлищев тут же проорал:

– Ответим дождю – нет! Капусте – да!

Серафима укоризненно покачала головой, но урезонить Метлищева не успела: звонок грянул шаляпинским басом. В новой школе было все новое, и звонок гроыхал так, что не перекричишь.

Но Серафима добавила все же:

– Резиновые сапоги – обязательно. И куртки теплые...

Саше Румянцевой стало жалко Серафиму: «Возитесь с нами, как с малышами. А вокруг – дылды да пересмешники. На работу ведь идем, а никого не колышет».

По чести сказать, Румянцева тоже мало что понимала в сельских трудах, но она была за справедливость. Чувство ответственности висело на ней с младенчества гирей – такая уж уродилась, ничего тут не попишешь!

Утром все, кто не проспал, собрались у школы. Пришло тринадцать человек, ровно пол-класса. Гущенко, Волова с Пожарской, ну Румянцева, понятно, она же сознательная; Алевтина еще, тоже новенькая, а серьезная... Фамилия только у нее необычная. – Косоурова. Шесть девочек, семь мальчиков.

– Ждать не будем, – изрекла Серафима, – остальные получают прогул. – И ни к селу ни к городу добавила: – Васипова я освободила.

Саша услышала и удивилась: «Чего сообщать, когда никто не спрашивает про Васипова? Никому и дела нет. Подумаешь, фигура!...»

Перед дорогой все друг друга рассматривали, кто как оделся. Это же редкое событие, чтобы одеться кто как хочет, а не как в школе положено.

Пожарская и Волова были на высоте. Узенькие пижонистые брючки, сапожки разноцветные, кепарики – одним словом, картинки! В сравнении с ними Румянцева выглядела скучной мышкой: старая зеленая куртка с капюшоном, сапоги до колен и перчатки в кармане, не кожаные, конечно, а те, которые для труда. Вообще непонятно, мальчик это или девочка: форм-то никаких! Вот уж кто за модой не гонится...

Гущенко отошла от Румянцевой, к Воловой с Пожарской прибилась. Выпустила из-под платка свою светлую челку и теперь все время сдувала ее с глаз наверх. Все равно что фыркала. Челка отчаянно ей мешала. Зато модно.

Пороховые – почти пригород, до Янинского совхоза можно пешком дойти. Так всем и казалось. Сначала семиклассники резво с места взяли, но быстро приуныли.

День выдался серенький. Дождь всю дорогу сеялся мелкими каплями, как через сито. Глинистая дорога размыта. Румянцевой-то что: капюшон надвинула – и вперед. Знай себе

перескакивает с одного глиняного островка на другой. В таком «наряде» не страшно испачкаться. Девчонки пыхтели сзади.

– А вес-то, вес у Саши – птичье перышко! – умилилась вдруг Серафима.

Подумать только! Но Слонов возьми и поддержи ее:

– Точняк! Моська маленькая, да удаленькая.

Девчонок досада взяла. Тоже ценитель выискался, понимал бы хоть что-нибудь в женской красоте!..

Дома вокруг стояли деревянные, одноэтажные, с низкими голубенькими окошками, с поржавевшими от первых заморозков георгинами. Да еще и собаки всюду тявкали.

«Неэффективный пейзаж», – сказала бы Инка Пескарик. Если бы пришла. Но ее не было. И правда, зачем ей совхоз?

Многие начали жалеть, что явились.

А уж когда семиклассникам показали поле... Поле было нескончаемое, огромное, словно стадион. Всё в капустных кочанах. Они валялись в черной взбаламученной земле, круглые, как футбольные мячи. Их надо было складывать в старые шершавые ящики.

Румянцева схватила один кочан и тут же уронила. Вес оказался приличный! Все дружно захихикали. Но Слонов тут как тут. Подхватил Капустину – и в ящик. Метлищев даже сострить не успел.

– Молодец, Олег! – похвалила Слонова Серафима. – Давайте встанем в пары. Дело быстрее пойдет!

И класс двинулся к конторе, маячащей вдалеке, за стеной моросящего дождя, величественно и чинно.

– А мне пары нет! – заорал Метлищев. – Я же тринадцатый!

– Будешь ящики считать! – распорядилась Серафима.

Мальчишки подтаскивали ящики в общую кучу. Наверху, как начальник, пристроился Метлищев.

Гущенко стало завидно, что не она руководит процессом, ведь привыкла в гуще быть, точнее, над гущей (фамилия-то обязывает!). И она очень органично пристроилась к Метлищеву:

– Ты считай, а я записывать буду.

А что? Кто записывает, тот всегда главнее!

Опять паритет нарушился: девчонок пять на грядках осталось, мальчишек шестеро. Постепенно почти все мальчишки к Воловой с Пожарской перекинулись.

Туполев достал перочинный ножик из кармана, срезал испачканные землей нижние листья, а потом подумал-подумал и верхние срезал, освободил сочную белую душистую кочерыжку, царским жестом протянул ее Ганне.

И пошло-поехало. «Столовая № 1» открылась.

Саша Румянцева, понятно, осталась без кочерыжки. Потому что они со Слоновым продолжали кочаны в ящики собирать. Алевтина, правда сначала тоже им помогала. Но потом отошла и стала работать одна.

Кочаны постепенно становились всё тяжелее и тяжелее. Руки у Румянцевой одеревенели. Но она закусила губу и пошла дальше. Из упрямства. Слонов с Алевтиной – за ней.

Но пахло на поле отчего-то мимозой.
Горча, аромат стоял столбом.
А скоро, скоро нагрянут морозы... —

шептала Саша.

– Это сурепка сорная так пахнет, – произнесла вдруг Алевтина. – Хотя с виду не скажешь, что сорняк: желтенькие такие цветочки, симпатичные. Но и мимоза на самом деле не мимоза, а акация серебристая.

Алевтина не только казалась серьезной, она много чего знала. Румянцева взглянула на нее с уважением.

А Слонов ни с того ни с сего проскакал по борозде конем, сорвал сурепку, дурашливым голосом запел:

– «Две-е-е морко-о-овинки несy за зеленый хвостик!» – и эффектно кинул ароматную сурепку в Сашин ящик: – Моська, лови!

И умчался.

– Это из «Облака в штанах» или из поэмы «Хорошо!» Маяковского, – тихонечко произнесла Алевтина. – Нет, наверное, все-таки из «Хорошо!». Помнишь? «...Любимой моей глаза. Круглые да карие, горячие до гари». А дальше как раз эти строчки – про две морковинки. Двоечник, а Маяковского читал...

Румянцева же про другое подумала – про свои глаза: они как раз карие. И покраснела.

Остальное общество, к счастью, капусту хрумкало и ничего вышесказанного не услышало.

«Подумаешь, капуста! – пронеслось у Саши в голове. – Зато сурепка – цветок! И мимозой пахнет».

Румянцева и Слонов собрали целых шесть ящиков, Ганна с Туполевым – два, Пожарская с Зайкиным – тоже два. Алевтина в полном одиночестве собрала пять ящиков.

А Метлищев с Гущенко ничего не собрали. Зато всё сосчитали: вышло на всех тринадцать ящиков. Семиклассников тринадцать, и ящиков столько же.

Совхоз, не вдаваясь в подробности, седьмому «Б» благодарность объявил. И Серафима всем пятерки поставила – за труд. В журнал, естественно.

Осень. Возвращение к дневнику

14 сентября

Вот это номер! «Черченичка» оказалась математичкой. Сегодня первым уроком должна была быть алгебра (впервые в этом году), вдруг «черченичка» входит и произносит:

– Я – ваш новый пе-да-гог. Теперь могу представиться по всей форме: Элла Максимовна. На черчении я к вам только приглядывалась.

Что еще за игры? Мы же не дети. А Эллочка начала расхаживать по классу и громко объявлять, что она любит и чего не любит.

Любит она веселых, красивых, быстрых и сообразительных. Метлищев, оказывается, «красотуля – отворотясь, не налюбуеться». У Румянцевой (у меня то есть) «унылый нос». Безобразие, конечно, слышать такие реплики – от «пе-да-го-га»! Писать мы теперь будем в толстых общих тетрадах, а учиться творчески.

Творчество выразилось в том, что мы самостоятельно стали решать задачи, которые Элла Максимовна сочинила от большого вдохновения.

У меня и у Алевтины (она сидит за мной) был один вариант. В ответе получалась какая-то чушь. Отрицательные дроби в кубе яблок! Мы никак не могли понять, в чем дело, промучились до конца и сдали полупустые листочки. Страшно расстроились (ведь по математике мы в первых рядах). У меня, правда, было одно соображение, но я не стала высказывать его вслух.

На перемене мы с Алевтиной решили пойти в учительскую, выяснить, в чем там собака зарыта.

Эллочка страшно развеселилась.

– Вы просто дурочки, – процедила она с презрением. – Следовало написать: «Задача не имеет решения». Я специально вас проверяла. А остальные-то как, интересно?

– Не знаем, – буркнули мы.

Не будем же сообщать ей, что остальные (их было всего трое, а среди них оказалась и Гущенко), столкнувшись с абракадаброй, потихоньку поменяли варианты. А Туполев взял и подарил Ганне свой листок. (Ганна сориентировалась в первый же день – села с Туполевым за одну парту.)

– Остальные нашли решение! – съехидничала Эллочка. – И молодцы! Сейчас все так поступают. Хочешь жить – умей вертеться! А вам, отличницы, за несообразительность ставлю по троечке.

Голову даю на отсечение, что она просто напутала в условиях. Точнее, выдумала задачу «от фонаря», «на шармачка», кое-как, короче. Ничего сама не прорешала и не проверила. Выходит, и нам надо было схитрить?! В общем, стояли мы как оплеванные. Гадость!

15 сентября

Ну, люди добрые, конец света! Нас учат танцам! Это уже перебор. Наш седьмой «Б» будет первооткрывателем в школе! Отныне по четвергам вводится новый предмет – ритмика. Ведет его Иван Демьянович Рулёв.

Он похож на майского жука и на оловянного солдатика одновременно. У него густые черные брови, голова маленькая, черная и круглая. Метлищев, шут класса, немедленно сочинил такие стишки:

Ох, головушка моя ты самобытная!
Очень круглая головушка моя!

Ходит Иван Демьянович очень странно – будто бы ему отдают команды: «Вперед, шагом марш!» Или: «На-ле-во!» Есть в нем что-то металлическое.

На первом занятии он провозгласил (он не говорил, а именно провозглашал!):

– Первое. Танцевать должен уметь каждый. Второе. Научиться могут все. В цирке даже медведей учат. Поэтому сразу показываю: вальс-квадрат. Это основа основ. Всё элементарно. Раз, два, три – поворачиваемся. Носки делают четкий угол, – Иван Демьянович оглянулся на нас, поднял густые брови, – четыре! – и опять встал к нам спиной.

Все таращили на него глаза. Метлищев давился смехом и страшно гримасничал. В этот момент Иван Демьянович опять обернулся, посмотрел на Метлищева, побагровел и громко, отрывисто скомандовал:

– Оставить помещение!

Метлищев вначале не понял, а потом хихикнул и, пожимая плечами, поплелся к двери.

– Вот так! – удовлетворенно произнес Иван Демьянович и приказал нам делать шаги вальса-квадрата.

Я с ужасом ждала этого момента, потому что с самого детства мама твердила мне, что у меня абсолютно нет музыкального слуха и ритма и что, к несчастью, я, наверное, никогда не научусь танцевать. Она искренне сокрушалась: они-то с папой познакомились на танцах (хотя это странно, всё-таки интеллигентные люди).

Конечно, у меня получалось хуже всех. Я была как белая ворона. Особенно рядом с Воловой и Пожарской. Они-то порхали точно бабочки.

Иван Демьянович уставился на меня немигающим взглядом (чем дольше он смотрел, тем деревяннее я двигалась) и крупными решительными шагами направился ко мне.

– Как фамилия? – спросил он.

И тут свершилось великое предательство. Гущенко фыркнула и саркастически пропищала на весь зал:

– Наша отличница! Румянцева.

Ничего себе – подруга!

– Выйди, Румянцева, на середину, – распорядился учитель танцев. – Буду учить тебя индивидуально.

И кругом заржали.

Я вышла вся красная, как спелая вишня. На глаза навернулись слезы, коленки стукнулись одна о другую.

Меня спас звонок.

Всю перемену я проревела в учительском туалете. Он единственный в школе запирается. Туда всё время кто-то хотел войти, но я не открывала дверь. У меня не жизнь, а какая-то греческая трагедия. Но Гущенко-то! Гущенко просто свинья!

Хорошо, что на истории не вызвали. Тамара Кирилловна только взглянула на меня, и тут – надо же! – Слонов поднял руку.

Учительница тяжело вздохнула (должно быть, побоялась его спрашивать) и заговорила опять про Средние века – о муках инквизиции. Очень даже к месту.

Дома я сдерживалась, как стоик, хотя меня затопил вязкий стыд. Я тонула в нем, как в болоте. Оказывается, именно такое чувствуешь, когда тебя предают. А еще я очень страдала, что у меня нет слуха.

Папа с мамой всё-таки сообразили, что я не в своей тарелке, и начали деликатно ко мне приставать. Вот уж чего не терплю – так это разговора «с подходами». Сжав зубы, я выдавила только, что у нас новый предмет и новый учитель, Иван Демьянович Рулёв.

Папа удивился чуть ли не до потери сознания.

– Полковник Рулёв? – переспросил он.

И объяснил, что так звали преподавателя в их военно-морском училище имени Дзержинского. Тот Рулёв вел сопромат. Сейчас он должен быть на пенсии.

Мама шумно запротестовала: папе, мол, везде мерещатся его военно-морские знакомые. Я сидела полено полено – в тот день я могла поверить во что угодно.

Когда мама вышла на кухню, папа тихонько мне сказал:

– Все же попробуй передай Рулёву привет.

Наутро во рту у меня было шершаво и пресно, как всегда после слёз, а в душе – пустота и равнодушие. Потеря друзей – гибель души.

Гущенко с ее приколами теперь стала мне до фени. Ритмика тоже. Но я подстерегла-таки в коридоре Ивана Демьяновича, когда никого вокруг не было, и выдохнула таинственно, как разведчик из старого шпионского фильма, свой пароль:

– Вам привет от капитана Румянцева.

Иван Демьянович побагровел и отвечал:

– Не знаю такого. А вам, Румянцева, надо не приветы передавать, а заняться серьезно ритмикой.

И пошел своей оловянной походкой. Уши мои пылали. Скорее всего, он постеснялся признаться. А чего тут стесняться? Подумаешь, сменил профессию на старости лет...

25 сентября

Прочла сейчас то, что написала раньше, и так меня потянуло в старую школу! Дима, Дима, как пусто мне без тебя жить!

Душа без крыл —
Листком
В траве.
Жизнь без перил...
Лечу ничком,
А мир стоит на голове...

Мама словно чувствует мои мысли сквозь стенку и начинает петь в кухне:

И не надо зря портить нервы!
Вроде зебры жизнь, вроде зебры...

Мама хорошо поет, не то что я. Она даже внешне похожа на Пугачёву. Она намекает, что, когда всё плохо, значит, полоса такая, а не судьба-злодейка. У меня (не в пример многим) на редкость сознательные родители.

Только... А вдруг полоса эта будет длиться целый год? Или два года? Или до смерти?

Мне даже стихи писать не хочется. Кто теперь признает, что они настоящие?! Серафима говорит, что я плохо придумываю риторические вопросы. Вот вам, пожалуйста, риторический вопрос...

Китайская мудрость гласит: «Человек рожден для радости. Если радость кончается, ищи, в чем ты ошибся».

Я сижу сейчас на диване и ищу, в чем я ошиблась?

Во-первых, я ошиблась в Гущенко. Она мне не подруга, а киллер. Это уже ясно.

Ой, я знаю, в чем я не ошиблась! В Слонове! Он и правда добрый. Еще, конечно, в Диме. В Диме – навсегда.

Еще в историчке и в физичке. Историчка, Тамара Кирилловна, во время объяснения новой темы может встать в запале на своем стуле на одно колено. А когда идет дождь (я много раз это замечала), смотрит в окно с лицом Офелии, мечтательно улыбаясь. Понятно, что она живет эмоциями.

А физичка немножко окает. И смущается. Хорошо, когда человек смущается. Значит, в нем жива совесть. Вот Эллочка никогда не дрогнет. Даже если обидит человека ни за что. Ну вот опять я про Эллочку. Напишу лучше о физичке. Ее зовут очень забавно – Майя Филимоновна.

Тут я должна рассказать о Туполеве. В нем я тоже ошиблась. Я думала, он настоящий мужчина, а он – циник. (Впрочем, как и большинство мальчишек, Метлищев например.) Он все время задает Майе Филимоновне предательские вопросы. Например, что такое синхрофазотрон? Или видела ли она НЛО? А учительница сбивается с мысли: все-таки она очень молодая и неопытная. А Метлищев (я случайно слышала) сказал о ней:

– Ножки как у кошки. Оторвать и выбросить.

Вот обормот!

А завтра к нам придет зубной врач.

26 сентября

Вот как всё было. В класс вошла Серафима и объявила:

– Внимание! К нам приехал стоматолог. Вы взрослые, никто не боится. Кто кому уступает? Мальчики или девочки?

Таким образом, она заставила мальчишек пойти первыми. Почти у всего класса зубы были крепкие. За исключением Алевтины: ей пришлось поставить тринадцать пломб.

Следующей вызвали меня. Но со мной зубной врач что-то не спешила. Она долго брэнчала инструментами, грела их, кипятила, а потом ласково промурлыкала:

– Теперь отдохни, солнышко! Потом продолжим.

В душу мою закралось подозрение. Тем более девчонки косились и перешептывались. Было видно, что они меня жалеют. С ужасным предчувствием я села в кресло и вдруг услышала за дверью:

– Ты чего, Слон, приперся? Тебе же сказали: не надо зубы лечить!

Выходит, Слонов за меня волнуется! Как это приятно, когда переживаешь трудности не одна! Меня охватил восторг, как ранней весной, когда начинают таять льдины. Показалось даже, что зуб мне вырвали под общим наркозом.

Звонко капают сосульки,
В такт не в такт.
То играет на свистульке
Мальчик Март...

4 октября

Сегодня был убийственный разговор с девицами. После уроков мы не пошли домой, а закрылись в классе на швабру.

Я не могла не остаться, потому что получила официальное приглашение. На нем было нарисовано сердце, пронзенное стрелой, а под стрелой: «Совершенно лично. Тетатет». Тоже мне, француженки-грамотейки! Дичь какая-то! Придумала всё это наверняка Инка Пескарик. Во всяком случае, корчила из себя хозяйку салона.

Собрались они якобы для того, чтобы составить психологический тест. На самом деле весь разговор свелся к выбалтыванию тайн и к рождению сплетен. Вопросы для теста предлагали самые примитивные. Почти все на тему: кто тебе нравится, а кто не нравится и почему.

Сначала я думала, меня позвали для того, чтобы что-то из меня вытянуть. А потом поняла, что план был позаквыристее. Гущенко, как бы между прочим, бросила кость:

– А у Наконечника сотрясение мозга. Семафорова сказала. Я вчера ее в бане видела.

И впилась в меня взглядом, как вампир. Надеюсь увидеть мою реакцию. Но меня на эту удочку не поймать. Я сидела с невозмутимым видом.

Гущенко как-то давно, еще когда мы дружили, заметила, что во мне явный избыток железа. Может, и правда. Я ведь внешне очень сдержанная. Наверное, это от антоновки. С младенчества жую. Говорят, ее и Пушкин любил. Он, конечно, сдержанностью не отличался, но характер-то имел железный!

Словом, я изображала из себя кариатиду. Инка переглянулась с Гущенко и спросила, лицемерно прищуривая глазки, светским тоном (ни дать ни взять мадам Шерер из «Войны и мира»):

– Неужели, Саша, тебе безразлична судьба твоего товарища? Вы же когда-то учились в одном классе...

Тогда я выдала:

– А при чем здесь Накончин? Как связаны он и тест? А для теста я предлагаю такие вопросы: «Чем вы занимаетесь в свободное время?» А еще лучше: «Каков уровень вашего „айкью“?» Впрочем, извините, тороплюсь: меня ждут в кафе.

Кафе, конечно, блеф. Так, для сохранения достоинства. Надо же было делать ход конем!

Следом за мной увязалась Ганна. Вошли в раздевалку, и вдруг я вспомнила, что забыла на парте зонтик. Когда возвращалась, услышала, как Гущенко ляпнула:

– Умница нашла себе новую отраду.

Вот злыдня! Интересно какую? Они начали хихикать.

Я плюнула на зонтик и вернулась в раздевалку. Настроение совсем помрачнело. И тут еще эта Ганна стала канючить, чтоб я ей помогла по математике! А то, мол, жизнь ее висит на волоске. Я опешила. Ан, оказывается, вот что.

– Если я схвачу тройку по математике, – объяснила эта дурища, – папа откажет мне в прикиде. И я останусь без новых «шуз». А через два месяца Новый год. В школе будет «па-а-ати».

Вот вам, бабушка, и Юрьев день! Ну положим, Новый год не через два месяца, а через три, но ведь Ганна плохо считает.

В душе у меня родилась снисходительность к Воловой, как к ребенку. Я почувствовала себя умудренной женщиной, от которой зависит чужая судьба.

Конечно, я согласилась. Надо же быть великодушной.

Тот же день, вечер, продолжаю запись

Бедный Димка! Откуда он, интересно, свалился? Душа моя рвется на части. Мне и жалко его, и в то же время приятно. У меня ведь тоже было сотрясение мозга: на меня грохнула крышка погреба. Наши судьбы так похожи!

Два кольца,
Два конца —

И одно сердце.
Чудо-ножницы из мук
Извлекают скерцо...

10 октября, утром, еще до школы

Совсем забыла написать о том, что я опять выпускаю газету. Вот что значит инерция мышления! Привыкли, что я всегда это делаю. Еще избрали Туполева. Ребятам кажется – он остроумный. Ну уж не знаю. Для чего-то предложили Васипова. Он вообще странный человек...

А как Эллочка над ним издевается! И над Слоновым. Но Слонов на нее плюет. А на Васипове лица нет.

Вчера, например, она заявила:

– Васипов, пусть теперь твои тетради проверяют твои друзья. Я из-за такого пакостного почерка слепнуть не желаю. Я себя люблю.

И тут кто-то пискнул:

– А у него нет друзей.

Васипов побледнел. А Эллочка его добила:

– Потому и нет, что ты, Васипов, – нелепый человек. У всех, кто нормальный, приятелей в избытке. А тебе я ставлю «кол».

Но почему, скажите, люди должны быть одинаковыми? Некоторые, может, и нормальные, а всё равно одинокие. Не у всех же, как у Гущенко, знакомые в каждой бане. Гущенко – активист от рождения. Ее назначили культурным менеджером. Что ж, правильно. Она любит вращаться на тусовках (тех же банях).

Васипова ввели в редколлегию за его необычные сочинения. Серафима посоветовала.

Любопытно, кто теперь в старой школе выпускает газету?

Октябрь. Жизнь без дневника

Стояли самые красивые дни осени. Серафима сказала, что это «пушкинская пора, очей очарование». И правда, было на что посмотреть – листья заполонили весь школьный двор.

Солнечные лучи старались удлинить день теплом, но по ночам с ними уже спорили первые заморозки. Вот листья и не выдерживали, срывались с деревьев.

Однажды на физике кленовый лист влетел прямо в форточку.

Румянцева со Слоновым сидели в ряду у самого окна – листочек к ним на парту и спланировал. Саша положила его посередине – для украшения.

Слонов покосился, но ничего не сказал. Листок так и остался лежать до следующего дня. Назавтра он скукожился, как шагреновая кожа, а Слонов в школу не пришел. И послезавтра не пришел..

А время несло вперед, к зиме. И листья с деревьев все почти опали.

Уже в конце октября на уроке литературы (точнее, урок заканчивался, звонок звал на большую перемену) Серафима вставила как бы между прочим:

– Хорошо бы Слонова провести. Отстанет ведь по программе!

– А что с ним? – участливо осведомилась Гущенко.

– Вы разве не знаете? – удивилась Серафима. – Он же в больнице, в инфекционной. Съел что-то не то. Плохо, что не знаете. – Вздохнула и повторила: – Навестить бы не мешало. – И, захлопнув журнал, выплыла из класса.

– Ага! Он съел что-то не то, а нам опять отдуваться! – пробурчал Туполев.

– Слоны – они такие, много кушают! – захохотал Метлищев.

– Ой, да просто ему готовить некому: матери-то нет! – деловито-досадливо произнесла Инка Пескарик.

У Саши при этих словах что-то болезненно дзынькнуло в душе. «У Инки, наверное, вместо сердца кусок льда, как у мальчика Кая в „Снежной королеве"», – растерянно подумала она. Но вслух ничего не сказала.

Девчонки всю перемену шушукались, а мальчишки делали вид, что их это не касается. Подумаешь! Серафиме хорошо советовать. Провести! Чего интересного в больницах, да и добираться туда надо полдня через весь город.

В конце концов Гущенко подошла к Саше и громко спросила:

– Румянцева, а ты не собираешься к Слонову? Кто же, как не ты? Ведь он твой сосед по парте!

Все уставились на Румянцеву. Саша сжала зубы, чтобы не покраснеть, и начала собирать деньги Слонову на передачу. Молча, как китайский болванчик.

Хорошо, что после перемены история была. Саша всё прослушала. Тамара Кирилловна (вот что значит понимающий человек!) просекла, конечно, что Румянцева сейчас где угодно, только не в Средних веках, но не спросила ни разу.

Саша, наверное, и под страхом смертной казни не призналась бы, что предстоящее мероприятие смущает ее, как тургеневскую барышню. До сих пор ей не доводилось навещать мальчиков в больнице. Но не рассказывать же об этом всему классу!

Она утешала себя тем, что в инфекционное отделение гостей не пускают. Подумаешь, авоську сунет в справочное и убежит.

Не тут-то было. За ней из любопытства увязалась компания – Волова и Пожарская, сарафанное радио класса. После истории сразу и поехали.

Долго спорили, что купить – чтобы и дешево, и сердито. Остановились на компоте. Получилось три здоровенные банки: компот консервированный из сливы, персиков и черешни.

Кряхтя, они потащили неудобные банки сначала в одном переполненном трамвае, потом в другом... Авоськи с банками цеплялись за пассажиров, пассажиры цеплялись к девчонкам. Волова с Пожарской начали ворчать. А когда в конце концов они ввалились в справочное, там сообщили, что Слонова сегодня выписали.

Поездка потеряла смысл.

– У дурака всё дураковское. Выписывается, и то не вовремя! – раздраженно сказала Надька.

– Была нужда теперь эту тяжесть назад переть! – полностью утратила интерес к делу Ганна.

– А куда же мы денем шесть литров компота? – растерянно спросила Румянцева.

– Ой, никуда! Поставим на скамейку в больничном сквере, а сами уйдем. Кому надо – возьмет, – деловито предложила Волова.

– Точно! – фыркнула Пожарская.

И поставила.

И Волова поставила.

А Саша растерянно мотала авоськой из стороны в сторону, начиная краснеть. Она не могла бросить здесь этот несчастный компот, как если бы он был живым.

Саша стеснялась самой себя и злилась на Слонова, который всегда был голодным, на девчонок: они смотрели на нее во все глаза.

– Может, тебе компотику захотелось? – ехидно спросила Пожарская. – Так у нас открышки нет!

Волова хихикнула.

Бросив авоську и подхватив банку под мышку, Саша молча зашагала к остановке.

– Эй, может, ты тоже заболела? – икая от смеха, подпрыгивали рядом девчонки.

Они были рады: не зря съездили. Будет что завтра рассказать!

...Утром, в ожидании спектакля, все не сводили глаз с парты Румянцева – Слонов.

Саша водрузила перед Слоновым банку с черешневым компотом и, ничего не объясняя, буркнула:

– Это тебе.

А Слонов, будто так и надо, осторожненько поставил банку под парту и сказал на весь класс:

– Спасибоочки, Моська. Черешня – это хорошо! Народ, не завидуйте.

И все головы как по команде отвернулись. Так что спектакля не вышло.

«Что, съели?» – подумала Румянцева. И успокоилась.

На самом деле съел один Слонов. Дома компот.

Осень. Возвращение к дневнику

1 ноября, раннее утро

Самый чистый,
Самый лучистый,
Самый радостный первый снег...

5 ноября, вечером

Думаю, во всем виновата Эллочка. Наверняка это она накапала Серафиме на Слонова. Он ведь почти каждый день получает «колы» по математике. У Элочки это самая ходовая отметка.

Хотя Слонов, конечно, дико несобранный. На задания домашние вообще плюет. Зато если уж вникает на уроке, знания в него просто врубаются. Как возрастные кольца в дерево. Всё дело в том, что Эллочку он не слушает.

– Я ее не воспринимаю, – признался он мне.

Ха! Представляю, как это выводит ее из себя.

Так вот, Серафима подозвала меня и говорит:

– Нужно подхлестнуть Слонова. Разве возможно в такой короткий срок нахватать столько единиц! Ты, как редактор газеты, должна принять меры.

А что я, спрашивается, должна делать? Как-то это нечестно: быть за Эллочку и против Слонова. Размышляла целый день, а потом подошла к Слонову и предложила:

– Серафима велела про тебя заметку написать. Давай, чтоб не обидно было, напишем ее вместе!

Сначала он был поражен, сказал даже, что я сбрендила. А потом согласился.

Уроки закончились, а девицы наши, как назло, не расходились, вертелись в классе. Мы терпели, терпели, а потом Слонов их выгнал.

Причина была уважительная: мы дежурные, надо же убирать помещение. Девицы покраснели, стали перешептываться. И всё оглядывались на ходу и переглядывались. Вот пустышки!

А нам так хорошо было. Мы про все поговорили. Оказывается, Слонов хочет быть летчиком. Он открыл мне свою тайну, сказал, что уже готовится физически – занимается боксом. А потом я начала вслух сочинять заметку, а он класс подметать. Он сам это предложил:

– Ты сочиняй, сочиняй, я всё уберу.

Из всей уборки я только доску и вытерла.

В самом конце заявила завуч. Сначала она похвалила:

– Молодцы, класс хорошо убрали! На пятерку. Это ты, Румянцева, наверняка убирала? – И тут же, взглянув на доску: – Нет, пятерку ставить нельзя. Что же, Слонов, доску-то плохо вытер?!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.